

ГОСТИНИЦА В САНСЕТ-ХАРБОР—КНИГА I

СОФИ ЛАВ

ОТНЫНЕ
И
НАВЕКИ

Софи Лав

Отныне и навеки

«Lukeman Literary Management Ltd»

Лав С.

Отныне и навеки / С. Лав — «Lukeman Literary Management Ltd»,

ISBN 978-1-09-430460-1

«Способность Софи Лав передавать волшебство читателям изящно находит свое выражение в мощных выразительных фразах и описаниях. ОТНЫНЕ И НАВЕКИ – это идеальный роман для чтения на пляже с одной оговоркой: присущий ему энтузиазм и прекрасные описания с неожиданной тонкостью раскрывают многогранность не только развивающихся чувств, но и развивающихся характеров. Книга станет отличной находкой для любителей романов, ищущих более глубокий смысл в произведениях этого жанра».

--Сайт Midwest Book Review (Дайэн Донован) ОТНЫНЕ И НАВЕКИ – это прекрасно написанный роман, на страницах которого описана борьба женщины (Эмили) в поисках своего «я». Автор уделила большое внимание тщательной проработке персонажей и описанию деталей обстановки. Любовная линия также присутствует, но она ненавязчива. Мои поздравления автору в связи с замечательным началом серии, которая обещает быть очень увлекательной».

--Обзоры книг и фильмов, Роберто Маттос 35-летняя Эмили Митчелл из Нью-Йорка переживает серию неудачных отношений. Когда ее парень, с которым она встречается семь лет, зовет ее на долгожданный ужин в честь годовщины их отношений, Эмили уверена, что в этот раз все будет иначе, в этот вечер он наконец сделает предложение. Когда вместо этого он вручает ей небольшой флакон духов, Эмили понимает, что пришло время порвать с ним и начать жизнь с чистого листа. Недовольная своей напряженной и монотонной жизнью, Эмили решает, что пришло время перемен. Неожиданно для себя она решает поехать в заброшенный дом отца на побережье штата Мэн. Там ее ждет просторный старинный дом, в котором она, будучи ребенком, проводила волшебные летние каникулы. Однако дом после долгих лет заброшенности остро требует ремонта, да и зимы в Мэне суровые. Эмили не была здесь на протяжении двадцати лет, с тех пор, как трагическая случайность изменила жизнь ее сестры и разрушила

ее семью. Ее родители развелись, отец исчез, а Эмили так и не нашла в себе сил войти в этот дом снова. Теперь же по какой-то причине, устав от жизни, Эмили чувствует, что ее тянет к единственному месту из детства, которое она знала. Она планирует остаться там только на выходные, чтобы разобраться с мыслями. Но что-то в этом доме, его бесчисленные секреты, воспоминания об отце, которые он хранит, романтика побережья, атмосфера маленького городка и, самое главное, шикарный, таинственный сторож не дают ей уехать. Найдет ли она ответы, которые ищет, в этом самом неожиданном из всех месте? Могут ли выходные затянуться на всю жизнь?

ISBN 978-1-09-430460-1

© Лав С.

© Lukeman Literary Management Ltd

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Софи Лав

Отныне и навеки

ОТНЫНЕ И НАВЕКИ

(Гостиница в Сансет-Харбор – Книга 1)

СОФИ ЛАВ

Софи Лав

Софи Лав, которая сама с детства является ярой поклонницей жанра, с радостью представляет вам свою дебютную книгу из серии любовных романов под названием «ОТНЫНЕ И НАВЕКИ» (ГОСТИНИЦА В САНСЕТ-ХАРБОР – КНИГА 1). Софи будет рада вашим отзывам, поэтому вы можете написать ей на www.sophieloveauthor.com, чтобы получать рассылку, бесплатные электронные книги, быть в курсе последних новостей и оставаться на связи!

Copyright © 2016 г. Софи Лав. Все права защищены. За исключением случаев, разрешенных Законом США об авторском праве 1976 года, ни одна часть данной публикации не может быть воспроизведена, распространена или передана в любом формате или любыми средствами, либо храниться в базе данных, без предварительного разрешения автора. Данная книга лицензирована только для личного пользования. Данная книга не может быть повторно продана или передана другим людям. В случае если вы хотите поделиться этой книгой с другим лицом, вам необходимо приобрести дополнительную копию для каждого получателя. Если вы читаете эту книгу, не купив ее, или же она была приобретена не для личного пользования, пожалуйста, верните ее и приобретите собственный экземпляр. Спасибо за уважение к напряженной работе автора. Это художественное произведение. Имена, персонажи, предприятия, организации, места, события и происшествия являются плодом воображения автора. Любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, совершенно случайно. Изображение обложки Copyright kak2s используется на основании лицензии, полученной от Shutterstock.com.

КНИГИ СОФИ ЛАВ

СЕРИЯ «ГОСТИНИЦА В САНСЕТ-ХАРБОР»

ОТНЫНЕ И НАВЕКИ (Книга № 1)

НАВЕКИ И ПРИ ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ (Книга № 2)

НАВЕКИ, С ТОБОЙ (Книга № 3)

Глава первая

Эмили уже в который раз за вечер пригладила ладонями свое черное шелковое платье.

– Ты кажешься взволнованной, – сказал Бен. – Ты практически не притронулась к еде.

Она опустила взгляд на тарелку, в которой лежал почти нетронутый цыпленок, затем посмотрела на Бена, сидевшего напротив нее за красиво накрытым столом в свете свечей. Это была их седьмая годовщина, и он пригласил ее в самый романтический ресторан Нью-Йорка.

Естественно, она волновалась.

Особенно учитывая тот факт, что та маленькая коробочка от Тиффани, которую Эмили пару недель назад обнаружила в его ящике для белья, сегодня была не там, когда она заглянула туда ранее этим вечером. Она была уверена в том, что сегодня вечером Бен наконец-то сделает предложение.

Эта мысль заставляла ее сердце с трепетом выпрыгивать из груди.

– Я просто не голодна, – ответила она.

– Ох, – сказал Бен, слегка встревожено. – Это значит, ты не будешь десерт? Мне пришлось по душе соленый сливочный мусс.

Эмили определенно не хотела десерт, однако она внезапно насторожилась, что Бен мог спрятать кольцо в муссе. Это было бы заезженное клише, однако сейчас она была бы рада и этому. Сказать, что Бен боялся ответственности, – это ничего не сказать. Прошло два года с начала их отношений, прежде чем он позволил ей оставить свою зубную щетку в его квартире, и четыре года, прежде чем он наконец решил, что они могут жить вместе.

Если же она затрагивала тему детей, он становился белым, как лист бумаги.

– Если хочешь, заказывай мусс, – сказала Эмили. – У меня еще осталось вино в бокале. Бен пожал плечами, затем подозвал официанта, который быстро забрал его пустую тарелку и ее недоеденного цыпленка.

Бен потянулся к ней и взял за руки.

– Я говорил тебе, что ты сегодня прекрасно выглядишь? – спросил он.

– Еще нет, – ответила она с хитрой улыбкой.

Он улыбнулся в ответ.

– В таком случае, ты выглядишь прекрасно.

Затем он полез в карман.

Казалось, ее сердце замерло. Наконец-то. Это происходит на самом деле. Все эти годы мучительного ожидания, терпения, в котором она достигла уровня буддийского монаха, – все это наконец окупится. Наконец-то она докажет маме, что та ошибалась, когда, казалось, практически с наслаждением говорила Эмили, что ей не удастся женить на себе такого мужчину, как Бен. Не говоря уже о ее лучшей подруге Эми, которая в последнее время частенько, выпив пару бокалов вина, чуть ли не умоляла Эмили не тратить время на Бена, поскольку «в тридцать пять еще не поздно найти настоящую любовь».

Она проглотила ком в горле, когда Бен достал из кармана коробочку от Тиффани и придвинул ее к ней через стол.

– Что это? – удалось вымолвить ей.

– Открой, – ответил Бен, широко улыбаясь.

Эмили отметила, что он не встал на одно колено, но ей было все равно. Ей не нужны были эти традиции. Она просто хотела кольцо. Любое кольцо.

Эмили взяла коробочку и, открыв ее, сразу же поморщилась.

– Что за... черт? – заикаясь, произнесла она.

Она уставилась на содержимое коробочки, не скрывая шока. Там лежала маленькая бутылочка духов.

Бен широко улыбался, будто испытывая восторг от своего подарка.

– Я не знал, что у них есть еще и духи, – ответил он. – Я думал, они торгуют только дорогущими украшениями. Хочешь, надушу тебя?

Эмили заплакала, больше не в силах сдерживать эмоции. Все ее надежды были разрушены. Она чувствовала себя дурой из-за того, что допустила мысль, что сегодня он сделает ей предложение.

– Почему ты плачешь? – спросил Бен обиженно. – На нас смотрят люди.

– Я думала, – произнесла Эмили, вытирая слезы салфеткой, – раз ты пригласил меня в ресторан, и сегодня наша годовщина...

Она не могла произнести эти слова.

– Да, – спокойно сказал Бен. – Сегодня наша годовщина, и я купил тебе подарок. Извини, если он недостаточно хорош, но ты мне вообще ничего не подарила.

– Я думала, ты сделаешь мне предложение! – наконец прокричала Эмили, бросая салфетку на стол.

Болтовня в зале прекратилась, посетители оторвались от еды и уставились на нее. Ей было уже все равно.

Бен выпучил глаза от страха. Он выглядел еще более напуганным, чем когда она упоминала о возможности создания семьи.

– Зачем ты хочешь *пожениться*? – спросил он.

Внезапно у Эмили случился момент осознания. Она посмотрела на Бена так, словно видела его впервые. Он никогда не изменится. Он никогда не свяжет себя узами брака. Ее мать, Эми – они обе были правы. Она так много лет провела в ожидании того, что, очевидно, никогда не случится, и эта миниатюрная бутылочка духов стала последней каплей.

– Все кончено, – сказала Эмили, задыхаясь, но больше не плача. – Это действительно конец.

– Ты пьяна? – не веря своим ушам, заорал Бен. – Сначала ты хочешь замуж, а теперь ты хочешь расстаться?

– Нет, ответила Эмили. – Просто я наконец-то прозрела. Все это, ты и я, – это все было неправильно.

Она встала, бросив салфетку на стул.

– Я съезжаю, – сказала она. – Сегодня переночую у Эми, а завтра заберу вещи.

– Эмили, – прокричал ей вслед Бен. – Мы можем поговорить об этом?

– Зачем? – крикнула она в ответ. – Чтобы ты убедил меня подождать еще семь лет, пока мы не купим собственный дом? Еще десять лет, пока мы не создадим общий банковский счет? Семь лет, пока ты задумаешься о том, чтобы завести вместе кота?

– Пожалуйста, – сказал Бен еле слышно, наблюдая за официантом, который шел в их сторону с десертом. – Ты устраиваешь сцену.

Эмили понимала это, но ей было все равно. Она не собиралась менять решение.

– Нам больше не о чем говорить, – сказала она. – Наслаждайся своим соленым сливочным муссом!

И на этой ноте она пулей вылетела из ресторана.

Глава вторая

Эмили уставилась на клавиатуру, пытаясь пошевелить пальцами, сделать что-то, хоть что-нибудь. Пришло еще одно письмо на электронную почту, и она лишь безучастно посмотрела в монитор. Звук офисной болтовни влетал в одно ухо и вылетал из другого. Она не могла сосредоточиться и чувствовала, будто находится в оцепенении. А полное отсутствие сна из-за неудобного дивана Эми совсем не способствовало решению проблем.

Эмили уже час была на работе, но все, что она смогла сделать, – это включить компьютер и выпить чашку кофе. Все ее мысли были поглощены воспоминаниями прошлого вечера. Она то и дело видела лицо Бена и, прокручивая в голове тот ужасный вечер, ощущала легкий приступ паники.

Телефон замигал, и на экране в двадцатый раз появилось имя Бена. Он снова звонил, хоть она ни разу не ответила на его звонок. О чем теперь говорить? У него было семь лет, чтобы понять, хочет он быть с ней или нет, а попытка спасти отношения в последнюю минуту ни к чему не приведет.

Зазвонил офисный телефон, и, выждав немного, она подняла трубку.

– Алло!

– Здравствуйте, Эмили, это Стейси с пятнадцатого этажа. У меня записано, что вы должны быть на совещании этим утром, и я хотела поинтересоваться, почему вы его пропустили.

– Черт! – прокричала Эмили, бросив телефон.

Она напрочь забыла о совещании. Вскочив с места, она понеслась через офис к лифтам. Ее безумный вид, казалось, позабавил сотрудников, которые начали шептаться, словно глупые дети. Добежав до лифта, она ударила ладонью по кнопке.

– Давай, давай!

Прошла вечность, но в конце концов лифт приехал. Как только двери открылись, Эмили рванула внутрь, врезавшись в человека, который как раз выходил из лифта. Отскочив и отдышавшись, она поняла, что человеком, в которого она врезалась, был не кто иной, как ее начальница, Изельда.

– Простите, пожалуйста, – заикаясь, произнесла Эмили.

Изельда окинула ее взглядом сверху вниз.

– За что конкретно? За то, что врезалась в меня, или за то, что пропустила совещание?

– И за то, и за другое, – ответила Эмили. – Я как раз шла туда. Просто из головы вылетело.

Она спиной чувствовала взгляды сотрудников. Последнее, что ей сейчас было нужно, – это доза публичного унижения, в чем Изельда была искусным мастером.

– У тебя календарь есть? – холодно спросила Изельда, сложив руки.

– Есть.

– И ты знаешь, как им пользоваться, как писать?

Эмили слышала, как люди за ее спиной еле сдерживают смех. Ей захотелось провалиться сквозь землю. Она всегда боялась быть выставленной на посмешище, однако точно так же, как и прошлым вечером в ресторане, она испытала странный момент ясности. Изельда не была авторитетом, на который Эмили стоило равняться или потакать ее прихотям. Она просто была обиженной женщиной, вымещающей злость на каждом, кто попадет под руку. И весь этот шепот за ее спиной абсолютно ничего не значил.

Эмили внезапно накрыла волна осознания. Бен был не единственным, что ее не устраивало в жизни. Она также ненавидела свою работу, этих людей, этот офис, Изельду. Она застряла здесь и не могла вырваться долгие годы точно так же, как с Беном. И она не собиралась больше с этим мириться.

– Изельда, – сказала Эмили, впервые обращаясь к начальнице по имени, – позвольте мне быть честной. Я пропустила совещание, у меня вылетело из головы, но это не самое страшное, что могло случиться.

Изельда пристально и сердито смотрела на нее.

– Да как ты смеешь?! – выпалила она с яростью. – Ты у меня будешь работать до полуночи весь следующий месяц, пока не научишься приходить вовремя!

С этими словами Изельда прошмыгнула мимо нее, задев плечом. По всей видимости, она собиралась удалиться, решив, что последнее слово осталось за ней.

Но Эмили так не считала.

Она протянула руку и схватила Изельду за плечо, останавливая.

Изельда обернулась и поморщилась, убирая руку Эмили, будто смахивая насекомое.

Но Эмили не сдавалась.

– Я не закончила, – продолжила Эмили, сохраняя спокойствие в голосе. – Самое страшное, что могло случиться, – это оказаться здесь. *С тобой*. На этой дурацкой, мелочной, выматывающей душу работе.

– Что ты сказала? – прокричала Изельда, багровея от ярости.

– Ты слышала меня, – ответила Эмили. – Я уверена, *все* меня слышали.

Эмили посмотрела через плечо на сотрудников, которые ошарашено уставились на нее. Никто не ожидал такого от тихой, всегда следующей правилам Эмили. Она вспомнила предупреждение Бена о том, что она «устраивает сцену» прошлым вечером. И вот, она устраивала еще одну, только на этот раз она наслаждалась этим.

– Можешь взять свою работу, Изельда, – добавила Эмили, – и засунуть ее себе в задницу.

Она практически слышала ошеломленные ахи, доносящиеся сзади.

Она оттолкнула Изельду и зашла в лифт, затем повернулась на каблуках. Нажав на кнопку первого этажа и с облегчением осознав, что это было в последний раз, Эмили посмотрела на ошарашенные лица сотрудников, уставившихся на нее, пока двери не закрылись и не скрыли их из виду. Она выдохнула, чувствуя себя свободнее и легче, чем когда-либо.

*

Эмили бежала по ступенькам к своей квартире, осознавая, что на самом деле это не ее квартира, и она никогда не принадлежала ей. Она всегда чувствовала, что живет у Бена, и поэтому старалась вести себя как можно тише и ненавязчивее. Повозившись с замком, Эмили была рада, что Бен находился на работе, и ей не придется встречаться с ним.

Войдя внутрь, она посмотрела на все новым взглядом. Ей ничего здесь не нравилось. Все словно обрело новый смысл: отвратительный диван, насчет покупки которого они с Беном ругались (в этом споре он победил); дурацкий кофейный столик, который она хотела выкинуть, поскольку одна из ножек была короче других, из-за чего он постоянно шатался (однако Бен списал все на «сентиментальные причины», и столик остался); слишком большой телевизор, который стоил слишком дорого и занимал слишком много места (но Бен настоял на том, что он ему нужен, чтобы смотреть спортивные каналы, поскольку это было «единственным», что позволяло ему сохранить рассудок). Эмили взяла пару книг с полки, отметив, что ее любовные романы были отправлены в скрытый от глаз уголок на нижней полке (Бен всегда переживал, что его друзья посчитают его менее умным, если увидят на полке любовные романы, поэтому он отдавал предпочтение научным текстам и работам философов, хотя на самом деле, кажется, никогда не открывал ни одну из этих книг).

Эмили окинула взглядом фотографии на каминной полке, оценивая, стоит ли забрать какие-нибудь, и была поражена, что на каждой фотографии, где она присутствовала, обязательно была семья Бена. Вот они на дне рождения его племянницы, на свадьбе его сестры. Не

было ни одной фотографии с ней и ее мамой, которая была единственным членом ее семьи, не говоря уже о фотографиях, где они бы были вместе с Беном. Внезапно Эмили осознала, что была чужой в собственной жизни. Все эти годы она следовала по чужому пути вместо того, чтобы прокладывать собственный.

Она рванула через квартиру в ванную. Здесь находились единственные вещи, которые правда имели для нее значение, – ее чудесные средства для ванны и косметика. Но даже это было для Бена проблемой. Он постоянно жаловался, что у нее слишком много барахла, на которое она впустую тратит деньги.

– Это мои деньги – мне их и тратить! – прокричала Эмили своему отражению в зеркале, складывая свои принадлежности в сумку.

Она осознавала, что выглядела, словно сумасшедшая, бегая по ванной и складывая полупустые бутылки шампуня в сумку, но ей было все равно. Ее жизнь с Беном была ничем иным, как ложью, и она хотела покончить с этим как можно скорее.

Затем Эмили побежала в спальню и достала из-под кровати свой чемодан. Быстро сложив туда всю свою одежду и обувь, она вытащила это все на улицу. И в качестве последнего символического жеста она вернулась в квартиру, положила свой ключ на «сентиментальный» кофейный столик Бена и ушла, чтобы больше никогда не вернуться.

Только стоя на обочине, Эмили наконец осознала, что все кончено. Всего за пару часов она сделала себя бездомной и безработной. Одно дело – покончить с отношениями, но отказаться от своей привычной жизни – совсем другое.

Ее охватила легкая паника: руки дрожали, когда она достала мобильный и набрала Эми.

– Привет, как дела? – ответила Эми.

– Я сделала кое-что безумное, – сказала Эмили.

– Продолжай, – настаивала Эми.

– Я уволилась.

Она услышала, как Эми выдохнула на другом конце провода.

– Ох, слава богу, – послышался голос подруги. – Я уж думала, ты скажешь, что вернулась к Бену.

– Нет-нет, как раз наоборот. Я собрала вещи и ушла, и теперь стою на улице, как бездомная.

– Мое воображение только что нарисовало отличную картину, – засмеялась Эми.

– Это не смешно! – ответила Эмили, чувствуя приступ паники. – Что мне теперь делать? Я уволилась. Как я найду квартиру без работы?

– Признай, это все же немного смешно, – ответила Эми, давась от смеха, а затем беззаботно добавила, – просто вези это все сюда. Можешь остаться у меня, пока не разберешься со всем.

Но Эмили не хотела. Она годами жила в чужой квартире, чувствуя себя гостем в собственном доме, будто Бен делал ей одолжение, позволяя жить здесь. Она не хотела так больше. Она должна жить своей жизнью, встать на ноги.

– Спасибо за предложение, – сказала Эмили, – но я должна сама с этим разобраться.

– Понимаю, – ответила Эми. – И что теперь? Уедешь из города на время, чтобы проветрить мозги?

Эти слова заставили Эмили задуматься. У ее отца был дом в штате Мэн. Будучи ребенком, она часто проводила там лето, но с тех пор, как отец пропал двадцать лет назад, дом пустовал. Дом был старым, наполненным воспоминаниями, и в каком-то смысле даже шикарным, по историческим меркам; он был больше похож на просторную гостиницу, которой не могли найти применение, чем на дом.

Если тогда он был в достаточно сносном состоянии, Эмили знала, что сейчас, спустя двадцать лет, это будет не так; и теперь он не будет казаться таким же пустым, как в детстве. Тем более, уже далеко не лето – на дворе февраль!

И все же мысль о том, чтобы провести несколько дней, сидя на крыльце с видом на океан в *своем* (в какой-то степени) доме, внезапно показалась очень романтичной. Выбраться из Нью-Йорка на выходные – это отличный способ прояснить мысли и понять, что делать дальше.

– Мне пора, – сказала Эмили.

– Стой! – остановила ее Эми. – Сначала скажи мне, куда направляешься.

Эмили глубоко вдохнула.

– Я еду в Мэн.

Глава третья

Эмили понадобилось сделать несколько пересадок в метро, чтобы добраться до длительной стоянки в Лонг–Айленд Сити, где находилась ее старая, брошенная, повидавшая виды машина. Прошло много лет с тех пор, как она последний раз садилась за руль, поскольку Бен всегда брал обязанности водителя на себя, чтобы похвастаться своим драгоценным Лексусом, и, проходя по огромной затемненной парковке, таща за собой чемодан, Эмили задавалась вопросом, не разучилась ли она водить. Это была одна из тех вещей, которую она упустила, будучи в отношениях.

Одна дорога сюда, к этой парковке на окраине города, казалась бесконечной. Походя к машине и слыша собственные шаги, раздающиеся эхом по парковке, она чувствовала, что сил идти дальше практически не осталось.

«Неужели я совершаю ошибку», – подумала Эмили. Может, ей следовало вернуться?
– Вот она.

Эмили обернулась и увидела сторожа гаража, который улыбался, глядя на обшарпанную машину, будто с сочувствием. Он достал ключи и встряхнул ими.

Мысль о предстоящей восьмичасовой поездке казалась Эмили непосильной и невозможной. Она была истощена, физически и морально.

– Вы возьмете их? – наконец спросил сторож.

Эмили моргнула, не понимая, что выпала из реальности.

Стоя там, она понимала, что это в каком-то смысле поворотный момент. Она струсит и вернется к старой жизни?

Или найдет в себе силы двигаться дальше?

Наконец Эмили выкинула темные мысли из головы и приказала себе быть сильной. Хотя бы сейчас.

Она взяла ключи и победоносно пошла к машине, пытаясь всем своим видом демонстрировать отвагу и уверенность, но внутри переживала, что машина просто не заведется, а если и заведется, она не вспомнит, как водить.

Она села в холодную машину, закрыла глаза и включила зажигание. Эмили решила, что если она заведется, это будет знак. Если нет, она может вернуться.

Она не хотела признавать, но в тайне надеялась, что машина не заведется.

Эмили повернула ключ.

Машина завелась.

*

Для Эмили стало большим сюрпризом и утешением, что, несмотря на то, что она была неуверенным водителем, базовые навыки у нее сохранились. Все, что от нее требовалось, – просто давить на газ и управлять.

Эмили почувствовала свободу, глядя, как за окном проносится мир, и постепенно ее настроение отступило. Она даже включила радио, чтобы насладиться моментом.

Под орущее радио и с опущенными стеклами Эмили крепко сжала руль. В своем воображении она выглядела, как гламурная сердцеедка из черно–белого кино сороковых, когда ветер трепал ее идеальную прическу. В реальности суровый февральский ветер заставил ее нос покраснеть, как ягода, а волосы превратил в кудрявое гнездо.

Вскоре она выехала за пределы города, и чем дальше на север она двигалась, тем больше дороги утопали в елях. Эмили наслаждалась видом, проезжая мимо. Как легко она позволила

суматохе городской жизни поглотить себя. Сколько лет она не позволяла себе остановиться и насладиться красотой природы?

Затем дорога стала шире, полос стало больше, и она оказалась на шоссе. Эмили прибавила газу, чувствуя себя живой и увлеченной скоростью, пока мчалась на своей полуразваленной машине. Все эти люди в машинах направлялись куда-то в путешествие, и она, Эмили, наконец была одной из них. Набирая скорость, она чувствовала нарастающее воодушевление.

Ее уверенность укреплялась по мере того, как дорога проносилась под колесами ее авто. Когда Эмили пересекла границу штата Коннектикут, она на самом деле осознала, что оставляет все позади: свою работу, Бена – наконец она скинула весь багаж.

Чем дальше в сторону севера она направлялась, тем холоднее становился воздух, и Эмили наконец пришлось признать, что с опущенными стеклами слишком холодно. Она подняла их и потерла руки, жалея, что не оделась теплее. Она уехала из Нью-Йорка в неудобном рабочем костюме и, поддавшись импульсу, выкинула пиджак и туфли на шпильках в окно. Теперь на Эмили была лишь тонюсенькая рубашка, а пальцы на босых ногах превратились в ледышки. Облик телезвезды сороковых разбился в ее сознании в дребезги, когда она увидела свое отражение в зеркале заднего вида. Она выглядела неряшливо, но ей было все равно – она была свободна, и это самое главное.

Прошло несколько часов, и, прежде чем Эмили осознала это, Коннектикут был далеко позади, став лишь отдаленным воспоминанием, местом, мимо которого она проехала на пути к лучшему будущему. Массачусетс порадовал более открытым пейзажем. Вместо темно-зеленых веток елей здешние деревья скинули листву и стояли по обе стороны, словно скелеты, обнажая лед на замерзшей почве под собой. Небо над головой Эмили постепенно меняло цвет с ясно-голубого на серый, напоминая, что пока она доберется до Мэна, будет уже темно.

Она ехала через Вустер. Большинство домов в городе были высокими, сделанными из дерева и были окрашены в пастельные тона. Эмили стало интересно, какие люди здесь живут, какая у них жизнь. Она была всего в нескольких часах езды от дома, но все здесь казалось ей чужим: все возможности, все места, в которых можно жить и путешествовать. Как она прожила семь лет однообразной жизни, продолжая выполнять ту же старую, привычную рутину, проживая одинаковые дни снова и снова, ожидая, ожидая и ожидая чего-то большего. Все это время Эмили ждала, пока Бен соберется, чтобы начать новую главу жизни. Но в конечном итоге *она сама* стала движущей силой своей судьбы.

Съехав с трассы 290, она оказалась на мосту, а затем – на трассе 495. Вместо деревьев, красотой которых она успела восхититься, ее взору теперь предстали крутые скалы. Желудок Эмили заурчал, напоминая ей о том, что она забыла пообедать. Она думала остановиться у закусочной, но желание добраться до штата Мэн было слишком сильным, поэтому она решила отложить обед, пока не прибудет на место.

Еще через несколько часов Эмили пересекла границу штата Нью-Гемпшир. Небо прояснилось, открыв красоту бесчисленных широких дорог и бескрайних равнин. Эмили не могла не думать о том, насколько огромен этот мир и сколько людей в нем живет.

С этим чувством оптимизма она проехала город Портсмут, где над головой с гулом проносились самолеты, идущие на посадку. Эмили ускорила, проехала очередной город, где по краям автострады лежал иней, затем проехала Портленд, где дорога проходила параллельно железнодорожным путям. Эмили подмечала каждую мелкую деталь, поражаясь размерам вселенной.

Проезжая по мосту на выезде из Портленда, она ускорила, с нетерпением ожидая возможности остановиться и полюбоваться океаном. Но небо темнело, и она понимала, что стоит поторопиться, если она хочет добраться до Сансет-Харбор до полуночи. Отсюда оставалось еще как минимум три часа езды, а на часах было уже девять вечера. Желудок Эмили снова взбунтовался, упрекая ее за то, что она пропустила обед, а теперь и ужин.

Больше всего остального Эмили ждала возможности проспаться всю ночь, когда доберется. Усталость давала о себе знать; диван Эми был не очень удобным, не говоря уже о душевных муках, которые Эмили испытывала всю ночь. Но в Сансет-Харбор ее ждала прекрасная дубовая кровать с балдахинном, которая стояла в главной спальне, в лучшие времена принадлежавшей ее родителям. Мысль о том, чтобы поспать в такой шикарной кровати одной очень привлекала.

Несмотря на небо, намекающее на снегопад, Эмили решила не ехать по шоссе всю дорогу до Сансет-Харбор. Ее отец любил менее проторенные дороги – ряд мостов, соединяющих бесчисленные реки, впадающие в океан в той части штата Мэн.

Она съехала с шоссе и была рада хотя бы немного сбросить скорость. Дороги казались менее безопасными, зато вид был потрясающий. Эмили рассматривала звезды, которые отражались в прозрачной, сверкающей воде.

Она придерживалась Трассы 1 параллельно побережью, наслаждаясь красотой, которую она открывала. До того серое небо потемнело, что отразилось в воде. Казалось, будто она едет через открытый космос, направляясь в бесконечность.

Эмили направлялась к началу своей новой жизни.

*

Устав от бесконечной дороги и стараясь держать глаза открытыми, Эмили оживилась, когда свет ее фар наконец осветил знак, указывающий, что она въезжает в Сансет-Харбор. Сердце забилось чаще от облегчения и предвкушения.

Она проехала мимо небольшого аэропорта и заехала на мост, ведущий к острову Маунт Дезерт, с ноткой ностальгии вспоминая, как ребенком ехала по этому же мосту в машине с родителями. Эмили знала, что отсюда до дома оставалось всего десять миль, то есть путь до места назначения займет не более двадцати минут. Сердце выпрыгивало из груди от радостного волнения, а усталость и голод, казалось, отступили.

Она увидела небольшой деревянный знак с надписью «Добро пожаловать в Сансет-Харбор» и улыбнулась. По обе стороны улицы в ряд стояли высокие деревья, и Эмили стало тепло на душе от мысли, что это те же деревья, которыми она любовалась в детстве, когда ехала с отцом по этой же дороге.

Через несколько минут, проезжая по мосту, она вспомнила, как ребенком гуляла прекрасным осенним вечером, ступая по красным листьям, которые хрустели под ее ногами. Воспоминания были настолько яркими, что Эмили даже видела фиолетовые шерстяные перчатки, которые были на ней, когда она шла с отцом за руку. Тогда ей было не больше пяти, однако воспоминания были такими яркими, будто это было вчера.

Воспоминания продолжали всплывать в голове по мере того, как Эмили проезжала мимо других достопримечательностей: ресторана, в котором подавали вкуснейшие блинчики, лагеря, заполненного скаутами все лето напролет, узкой тропе, ведущей к пещере Солсбери. Добравшись до знака Национального парка Акадия, Эмили улыбнулась, понимая, что находится всего в паре миль от места назначения. Кажется, она доберется до дома как раз вовремя – начал падать снег, а ее полуразваленная машина вряд ли была приспособлена для поездок в метель.

Как по команде, машина стала издавать странный скрежет, доносившийся где-то из-под капота. Эмили нервно прикусила губу. Бен всегда был практичным, он был мастером на все руки, ее же познания в механике были плачевными. Оставалось только молиться, что машина продержится до последней мили.

Но скрежет усиливался, вскоре к нему добавился странный рокот, затем – раздражающее щелканье и наконец хрип. Эмили ударила кулаками по рулю и выругалась про себя. Снегопад усиливался, и машина ныла все сильнее, пока не зашипела и вовсе не остановилась.

Эмили беспомощно сидела в машине, слушая шипение заглухшего двигателя и пытаясь разобраться, что делать дальше. На часах была полночь, дорога была абсолютно пуста в такое позднее время. Вокруг было тихо, словно в могиле, и ее фары были единственным источником света в непроглядной тьме – на дороге не было фонарей, а плотные тучи скрыли луну и звезды. Все это выглядело мрачно, и Эмили подумала, что это отличная обстановка для фильма ужасов.

Она взяла телефон, будто это был спасательный круг, но сигнала не было. От вида пяти пустых индикаторов сигнала волнение только усилилось, и она почувствовала себя еще более изолированной и одинокой. Впервые с того момента, как она тронулась с места, оставляя прошлое позади, Эмили почувствовала, что это решение было очень глупой ошибкой.

Выбравшись из машины и дрожа от пронизывающего ледяного ветра, она подошла к капоту и стала искать двигатель, не имея представления о том, что она на самом деле ищет.

В этот момент послышался рокот грузовика. Сердце забило с облегчением, когда Эмили, прищурившись, посмотрела вдаль и увидела, как к ней приближаются две светящиеся фары. Она стала махать руками, пытаясь остановить приближающийся грузовик.

К счастью, он остановился, припарковавшись прямо за ее машиной, выпуская выхлопы в холодный воздух и освещая падающие снежинки резким светом своих фар.

Дверь водителя со скрипом открылась, и два тяжелых сапога ступили на снег. Эмили видела лишь силуэт человека, стоявшего перед ней, и внезапно ее охватил жуткий страх, что она остановила местного убийцу.

– Попали в беду? – послышался хриплый голос старика.

Эмили потерла руки, ощущая мурашки под рубашкой и пытаясь унять дрожь, но ее успокоил тот факт, что перед ней стоял старик.

– Да, я не знаю, что случилось, – сказала она. – Машина стала издавать странные звуки, а потом просто остановилась.

Мужчина подошел ближе, и Эмили смогла рассмотреть его лицо в свете фар. Он был очень стар, с кудрявыми белыми волосами, спадающими на морщинистое лицо. Его глаза были темными, но в них сверкнул интерес, когда он посмотрел на Эмили, а затем на машину.

– Не знаете, как это случилось? – спросил старик, посмеиваясь. – Я расскажу вам, как это случилось. Эта машина – не более чем груда металлолома. Я вообще удивлен, что она завелась! Кажется, ее забросили, а потом решили прокататься в снегопад?

Эмили была не в настроении для шуток, особенно потому, что понимала, что старик был прав.

– На самом деле я приехала аж из Нью-Йорка, путь сюда занял добрых восемь часов, – сухо ответила она.

Старик присвистнул.

– Нью-Йорк? Что ж, я никогда... Что привело вас в такую даль?

Эмили не хотелось делиться своей историей, поэтому она сказала лишь, что направляется в Сансет-Харбор.

Старик больше не задавал вопросов. Эмили наблюдала за ним, и ее пальцы онемели, пока она ожидала, что он предложит свою помощь. Но ему, казалось, просто нравилось расхаживать вокруг ее старой ржавой машины, то ударяя ботинком по крышечкам, то сдирая ногтем краску, цыкая и качая головой. Старик открыл капот и долго-долго рассматривал двигатель, временами бормоча что-то себе под нос.

– Ну? – наконец сказала Эмили, раздраженная его медлительностью. – В чем причина поломки?

Он посмотрел на нее из-под капота, почти удивленно, будто забыл о ее присутствии, и покачал головой.

– Она сломалась.

– Это я знаю, – раздраженно сказала Эмили. – Вы можете как-то ее починить?

– О, нет, – хихикая, ответил старик. – Никак.

Эмили захотелось закричать. Голод и усталость от долгой дороги дали о себе знать, и она готова была вот-вот расплакаться. Все, чего она хотела, – это добраться до дома и поспать.

– Что мне делать? – спросила она, чувствуя отчаянье.

– Ну, у вас есть пара вариантов, – ответил старик. – Пойти в мастерскую, которая находится в миле отсюда.

Он показал своими короткими морщинистыми пальцами в сторону, откуда она приехала.

– Или я могу взять вас на буксир и отвезти, куда нужно, – добавил он.

– Вы сможете это сделать? – спросила Эмили, удивленная его добротой, от которой она отвыкла, пока жила в Нью-Йорке.

– Конечно, – ответил старик. – Я не оставлю вас здесь в полночь в снегопад. Я слышал, он усилится в ближайшее время. Так куда вы направляетесь?

Эмили переполняло чувство благодарности.

– Уэст Стрит, пятнадцать.

Мужчина с интересом склонил голову набок.

– Уэст Стрит, пятнадцать? Тот старый, заброшенный дом?

– Да, – ответила Эмили. – Он принадлежит моей семье. Мне нужно побыть одной в тишине.

– Я не могу оставить вас там, – покачал головой старик. – Этот дом разваливается. Сомневаюсь, что там есть вода и электричество. Почему бы вам не остаться у меня? Мы с женой, Бертой, живем над магазинчиком и будем рады принять вас.

– Это очень мило с вашей стороны, – сказала Эмили. – Но я правда хочу побыть одна. Так что если вы дотащите меня до Уэст Стрит, я буду очень благодарна.

Старик какое-то время смотрел на нее.

– Хорошо, мисс, – наконец ответил он. – Раз вы настаиваете.

Эмили почувствовала облегчение, когда он забрался в свой грузовик и переставил его перед ее машиной. Она наблюдала, как он достал толстую веревку и привязал сначала к своей, а затем к ее машине.

– Хотите поехать со мной? – спросил он. – В конце концов, у меня есть печка.

– Я бы лучше, – Эмили слегка улыбнулась, но покачала головой.

– Побыли в одиночестве, – закончил он за нее. – Понял, понял.

Эмили вернулась в машину, думая о том, какое впечатление она произвела на старика. Он, наверное, думает, что она немного не в себе, раз отправилась неподготовленная и одетая не по погоде в полночь в снегопад и требовала отвезти ее к обшарпанному заброшенному дому, чтобы побыть в одиночестве.

Грузовик впереди завелся, и она почувствовала толчок, когда ее машина сдвинулась с места на буксире. Эмили откинулась на сидении и посмотрела в окно.

По одну сторону дороги, по которой они ехали последние пару миль, находился национальный парк, а по другую – океан. Сквозь темноту и падающий снег Эмили видела океан и волны, разбивающиеся о камни. Затем океан исчез из виду, и они оказались в городе, проезжая мимо гостиниц и мотелей, экскурсионных компаний и курсов гольфа, мимо более застроенных кварталов, хотя для Эмили они были не такими уж и застроенными по сравнению с Нью-Йорком.

Затем они свернули на Уэст Стрит, и сердце Эмили дрогнуло, когда они проезжали мимо заросшего плющом дома из красного кирпича. Он выглядел точно так же, как и в последний раз, когда она была здесь двадцать лет назад. Они проехали мимо синего дома, желтого дома и белого дома, и она прикусила губу, осознавая, что следующий дом, дом из серого камня, будет ее.

Увидев его, Эмили почувствовала, как ее накрыла волна ностальгии. В последний раз она была здесь, когда ей было пятнадцать, и ее гормоны бушевали в ожидании летнего романа. У нее никогда не было такого, но она все еще помнила волнение от такой возможности.

Грузовик остановился, и машина Эмили тоже.

Эмили выбежала из машины, не дождавшись, пока та полностью остановится, и, затаив дыхание, стояла перед домом, который некогда принадлежал ее отцу. Ее ноги дрожали, и она не могла понять, было ли это от облегчения, что она наконец добралась, или от эмоций от возвращения сюда через столько лет. Однако, тогда как другие дома на улице не изменились, от дома ее отца осталась лишь тень прежнего величия. Когда-то белоснежные оконные ставни теперь были покрыты толстым слоем грязи. Сейчас все они были закрыты, что придавало дому негостеприимный вид. Трава на лужайке, где Эмили проводила бесконечные летние дни за чтением романов, была на удивление хорошо ухожена, а небольшие кусты по бокам от входной двери были пострижены. Но теперь она поняла удивленное выражение лица старика, когда она сообщила ему, куда направляется, поскольку сам дом выглядел таким заброшенным, таким постылым и обветшалым. Эмили стало грустно от того, что такой красивый старый дом пришел в упадок с годами.

– Красивый дом, – сказал старик, остановившись позади нее.

– Спасибо, – ответила Эмили почти в трансе, не в силах отвести взгляд от старого дома. Снег кружил вокруг нее. – И спасибо за то, что довезли меня сюда.

– Не за что, – ответил старик. – Вы точно уверены, что хотите остаться здесь сегодня?

– Уверена, – ответила Эмили, на самом деле начиная волноваться, что приехать сюда было большой ошибкой.

– Позвольте помочь вам с сумками, – сказал старик.

– Нет-нет, – ответила Эмили. – Правда, вы сделали достаточно. Я сама донесу.

Она покопалась в кармане и достала скомканную банкноту.

– Вот, возьмите деньги на бензин.

Мужчина посмотрел на банкноту, затем снова на нее.

– Оставьте деньги, – сказал он. – Если действительно хотите отблагодарить меня, почему бы вам как-нибудь не зайти к нам с Бертой на кофе с пирогом?

Эмили почувствовала ком в горле, засовывая банкноту обратно в карман. Доброта этого человека повергла ее в шок после недружелюбного Нью-Йорка.

– Как долго вы планируете быть здесь? – добавил он, вручая ей небольшой клочок бумаги с номером телефона и адресом.

– Я приехала только на выходные, – ответила Эмили, взяв у него бумажку.

– Что ж, если вам что-то понадобится, позвоните мне. Или приходите на заправку, где я работаю. Это рядом с магазинчиком – вы не ошибетесь.

– Спасибо, – снова сказала Эмили, стараясь выразить всю свою благодарность.

Как только шум двигателя затих и наступила тишина, Эмили вновь почувствовала спокойствие. Снег падал еще сильнее, и все было настолько тихим, насколько это возможно.

Эмили вернулась в машину и забрала вещи, затем вперевалку потащила по дорожке с тяжелым чемоданом в руках, чувствуя, как в груди закипают эмоции. Дойдя до входной двери, она остановилась, разглядывая знакомую дверную ручку и вспоминая, как поворачивала ее сотни раз. Может быть, приехать сюда все же было хорошей идеей. Как ни странно, она чувствовала, что находится именно там, где должна.

*

Эмили стояла в темной пыльной прихожей старого отцовского дома в глупой надежде согреться, потирая плечи ладонями. Она не знала, чем она думала. Неужели она и вправду ожидала, что этот старый дом, пустовавший уже двадцать лет, встретит ее теплом?

Эмили попробовала включить свет, но ничего не произошло.

«Естественно», – дошло до нее. Как можно быть такой душой? Она правда думала, что здесь есть электричество?

Эмили не додумалась взять фонарик. Она ругала себя. Как всегда, она очень спешила и не спланировала все заранее.

Положив чемодан на пол, она прошла дальше по скрипучему полу, проводя кончиками пальцев по рельефным обоям, прямо как в детстве. Эмили даже разглядела на них следы, некогда оставленные ей. Она прошла по лестнице – длинной веренице широких ступенек из темного дерева. Части перил не хватало, но ее это не тревожило – находясь в этом доме, она чувствовала себя вновь живой.

По привычке она попробовала включить еще один выключатель, но это опять не дало результата. Эмили дошла до двери в конце коридоре, ведущей на кухню, и открыла ее.

Ударивший в лицо ледяной воздух заставил ее ахнуть. Она прошла внутрь, ступая босиком по покрывшемуся льдом мраморному полу.

Эмили попробовала открутить кран над раковиной, но ничего не произошло. От страха она закусила губу. Ни отопления, ни света, ни воды. Что еще этот дом приготовил ей?

Эмили обошла дом в поиске выключателей или рычагов, которые могли контролировать воду, газ и электричество. В чулане под лестницей она нашла щиток предохранителей, но нажатие выключателей ничего не дало. Котел, насколько она помнила, находился в подвале, однако идея спуститься туда в темноте, без источника света, ужасала ее. Эмили нужен был фонарь или свеча, но ничего такого не могло быть в заброшенном доме. Несмотря на это, она решила на всякий случай проверить ящики в кухне, но в них не было ничего, кроме столовых приборов.

В груди Эмили нарастала паника, и она заставила себя думать. Она мысленно вернулась к тем временам, когда с семьей отдыхала в доме, и вспомнила, как отец организовывал доставку топлива, чтобы протопить дом зимой, из-за чего мама жутко бесилась, поскольку оно было дорогим, и она считала, что отапливать пустой дом зимой – напрасная трата денег. Но отец Эмили настаивал, что дом нужно содержать в тепле, чтобы трубы не полопались.

Эмили поняла, что ей нужно заказать топливо, чтобы протопить дом. Но она не имела ни малейшего представления, как это сделать, поскольку ее мобильный был без связи.

Внезапно в дверь постучали. Это был тяжелый, уверенный и осмысленный стук, который эхом разнесся по пустым коридорам.

Эмили замерла, ощутив приступ тревоги. Кто может стучать в такое время и в такую погоду?

Она вышла из кухни и тихо пошла по коридору, бесшумно ступая по деревянному полу босыми ногами. Неуверенно схватив ручку и после нескольких секунд сомнений, она наконец собралась и открыла дверь.

Перед ней стоял мужчина в клетчатой куртке с припорошенными снегом волосами длинной по плечи, напоминавшей Эмили лесоруба или охотника из сказки о Красной шапочке. Это был не ее тип, однако мужчина без сомнения был красив с этими холодными голубыми глазами, небольшой щетиной на остром подбородке, и Эмили была поражена тем, как притягателен он был для нее.

– Помощь нужна? – спросил он.

Мужчина прищурился, словно оценивая ее.

– Меня зовут Дэниел, – сказал он, протянув руку в знак приветствия. Пожимая руку, она отметила, что кожа на его руках была грубой. – А тебя?

– Эмили, – ответила она, внезапно почувствовав собственное сердцебиение. – Это дом моего отца. Я приехала на выходные.

– Домовладелец не появлялся здесь двадцать лет, – Дэниел прищурился сильнее. – У тебя есть разрешение здесь находиться?

Его тон был грубым, даже слегка враждебным, и Эмили отскочила назад.

– Нет, – смущенно ответила она, чувствуя себя некомфортно из-за напоминания о наиболее болезненном опыте в ее жизни – исчезновении ее отца, и застигнутая врасплох грубостью Дэниела. – Но он дал мне благословение приезжать и уезжать, когда захочу. Вам-то что с того?

Теперь ее тон был так же груб, как и его.

– Я присматриваю за домом, – ответил он. – Я живу в сторожевом домике.

– Вы *живете* здесь? – воскликнула Эмили, понимая, что ее мечте о тихих выходных в старом доме отца не суждено сбыться. – Но я хотела побыть в одиночестве в эти выходные.

– Как и я, – ответил Дэниел. – Я не привык, чтобы люди приезжали без предупреждения.

И, выглянув из-за ее плеча, добавил:

– И трогали имущество.

– С чего вы взяли, что я трогаю имущество? – Эмили сложила руки на груди.

– Ну, – подняв бровь, ответил Дэниел, – если только вы не планируете сидеть здесь в темноте и холоде все выходные, я думаю, вы будете трогать. Нужно запустить котел, очистить трубы и все такое.

На смену грубости Эмили пришло чувство стыда, и она зарделась.

– Вам не удалось включить котел, не так ли? – спросил Дэниел с ухмылкой, по которой Эмили поняла, что его слегка забавляет ее затруднительная ситуация.

– Я просто не успела, – надменно ответила она, стараясь сохранить лицо.

– Хотите, я вам покажу? – спросил он почти лениво, будто это не доставит ему хлопот.

– А вы можете? – спросила Эмили, слегка удивленная и сбита с толку его предложением помощи.

Дэниел ступил на коврик с надписью «Добро пожаловать». С его куртки посыпались снежинки, создав небольшой снегопад прямо в прихожей.

– Я лучше сделаю это сам, чем позволю вам что-то сломать, – объяснил он, непринужденно пожав плечами.

Эмили заметила, что снег за дверью превратился в метель. Хоть она и не хотела этого признавать, она была очень рада появлению Дэниела в этот момент. Если бы не он, она, скорее всего, замерзла бы до смерти за ночь.

Эмили закрыла дверь, и они прошли по коридору к двери, ведущей в подвал. Дэниел был подготовлен. Он достал фонарь, освещая лестницу, ведущую в подвал. Эмили прошла за ним вниз, слегка напуганная темнотой и паутиной. В детстве она очень боялась этого места и редко решалась спуститься туда. Подвал был набит старинными приборами и механизмами, поддерживающими дом. Их вид шокировал ее и заставил еще раз задуматься о том, что приехать сюда было ошибкой.

К счастью, Дэниел включил котел в считанные секунды, будто это было самой простой вещью на свете. Эмили смутила мысль о том, что ей потребовалась помощь мужчины, хотя основной целью ее приезда было восстановление собственной независимости. Она понимала, что, несмотря на грубую привлекательность Дэниела и явное притяжение, которое он вызывал, нужно, чтобы он скорее убрался отсюда. Вряд ли она сможет начать искать себя, если он будет находиться в доме. Хватало уже и того, что он был поблизости.

Закончив с котлом, они покинули подвал. Эмили почувствовала облегчение, выбравшись из сырого, пахнущего плесенью места в основную часть дома. Она последовала за Дэниелом через коридор к кладовке и в кухню. Он сразу же приступил к очистке труб.

– Вы готовы протапливать дом всю зиму? – крикнул он из-под столешницы. – А то они замерзнут.

– Я останусь только на выходные, – ответила Эмили.

Дэниел выполз из-под стола и сел, его волосы были взъерошены и торчали.

– Не стоит шутить с таким старым домом, – сказал он, качая головой.

Тем не менее он слил воду.

– Так где же тепло? – спросила Эмили, когда он закончил. Было очень холодно, несмотря на включенный котел и прочищенные трубы. Она потерла руки, пытаясь заставить кровь циркулировать.

Дэниел рассмеялся, вытирая грязные руки полотенцем.

– Оно не станет работать чудесным образом, понимаете, – сказал он. – Нужно заказать топливо. Все, что я могу, – это запустить эту штуку.

Эмили разочарованно вздохнула. Получается, Дэниел не был рыцарем в сияющих доспехах, на которого она рассчитывала.

– Держите, – сказал Дэниел, вручая ей визитку. – Это номер Эрика, он организует доставку.

– Спасибо, – пробормотала она. – Но мой телефон здесь не ловит.

Она подумала о мобильном, о пустых полосках связи и вспомнила, насколько одинокой она на самом деле была.

– На улице есть телефон-автомат, – сказал Дэниел. – Но я бы не рискнул идти туда в метель. Да и, в любом случае, они сейчас не работают.

– Конечно, – пробормотала Эмили, чувствуя разочарование и полную растерянность.

Дэниел, вероятно, заметил, что Эмили расстроена и угнетена.

– Я могу разжечь камин для вас, – предложил он, кивая в сторону гостиной.

Его брови приподнялись в ожидании, почти со смущением, что внезапно придало ему ребяческий вид.

Эмили собиралась возразить, попросить его оставить ее одну в ледяном доме, поскольку это наименьшее, чего она заслуживала, но что-то заставило ее помедлить. Возможно, присутствие Дэниела в доме заставило ее чувствовать себя менее одинокой, менее отрезанной от цивилизации. Она не ожидала, что телефон не будет ловить, что она не сможет позвонить Эми, а мысль о том, чтобы провести первую ночь в холодном темном доме, вызывала страх.

Видимо, Дэниел почувствовал ее сомнение, поскольку он вышел из комнаты, прежде чем она успела открыть рот и что-либо ответить.

Эмили последовала за ним, про себя благодаря его за то, что он смог прочесть одиночество в ее глазах и предложил остаться, пусть и под предлогом разжечь камин. Дэниел был в гостиной, сооружая кучу из хвороста, угля и дров в камине. Она сразу же вспомнила отца, как он склонялся над камином, мастерски разжигая огонь, так тщательно и долго, будто творил искусство. Она видела его за этим занятием тысячи раз, и каждый раз ей нравилось, что он делал. Костер вводил Эмили в транс, и она часами лежала на ковре у камина, наблюдая за танцующими оранжевыми и красными языками пламени, чувствуя, как жар обжигает лицо.

Эмоции подкатывали к горлу и становились комом. Думая об отце, видя такие четкие воспоминания в своем сознании, Эмили едва сдерживала поток слез. Она не хотела плакать при Дэниеле, не хотела выглядеть жалкой, беспомощной девицей. Поэтому она подавила свои эмоции и уверенно направилась в комнату.

– На самом деле я знаю, как разжечь костер, – сказала она Дэниелу.

– О, правда? – ответил он, приподняв бровь. – Что ж, занимайся.

Он протянул ей спички.

Эмили выхватила коробок и зажгла спичку, наблюдая за маленьким оранжевым огоньком в своих руках. На самом деле она лишь наблюдала за тем, как отец разжигает костер, но сама ни разу не участвовала в этом. Но в ее памяти сохранилась настолько живая картина, что она была уверена в своих силах. Поэтому Эмили опустила на колени и подошла хворост, который Дэниел положил в камин. В долю секунды огонь разгорелся со знакомым звуком, который вызывал у нее спокойствие и ностальгию, как и все в этом доме. Эмили чувствовала гордость, когда огонь начал разгораться. Но вместо того, чтобы пойти в дымоход, черный дым начал наполнять комнату.

ЧЕРТ, – завопила Эмили, окруженная облаками дыма.

Дэниел засмеялся.

– Ты же сказала, что знаешь, как разжечь костер, – сказал он, открывая дымоход. Столб дыма ту же засосало в камин.

– Та-да! – добавил он с широкой улыбкой.

Когда дым вокруг рассеялся, Эмили сердито взглянула на него, слишком гордая, чтобы поблагодарить его за помощь, в которой она, безусловно, нуждалась. Но она была рада наконец согреться. Эмили почувствовала, как циркуляция возобновилась, и пальцы ног и нос согрелись, а задубевшие пальцы на руках наконец расслабились.

Гостиная освещалась огнем и была окутана мягким оранжевым светом. Эмили наконец увидела всю старинную мебель, которой отец обставил дом. Она осмотрела обшарпанные, заброшенные вещи. В одном углу стоял высокий книжный шкаф, некогда ломившийся от изобилия книг, которые она читала долгими летними днями. Теперь же там осталась всего пара штук. У окна стоял старый рояль. Конечно, сейчас он был расстроен, но когда-то ее отец играл мелодии, а она пела. Ее отец так гордился этим домом, и видеть его сейчас, в свете огня, в таком заброшенном состоянии, было очень грустно.

Два дивана были накрыты белыми простынями. Эмили подумала снять их, но понимала, что это повлечет за собой облако пыли. А после облака дыма она не была уверена, что ее легкие способны выдержать такое. В любом случае, Дэниелу, казалось, было удобно на полу у камина, поэтому она просто села рядом с ним.

Итак, – сказал Дэниел, грея руки у костра, – наконец-то хоть немного теплее. Однако в доме нет электричества, и я думаю, ты не догадалась взять с собой фонарь или свечу.

Эмили покачала головой. Ее чемодан был забит всяким хламом, там не было ничего полезного, ничего из того, что ей правда нужно было здесь.

– У отца всегда были свечи и спички, – сказала она. – Он всегда был наготове. Думаю, я ожидала, что найду здесь что-нибудь, но после двадцати лет...

Она замолчала, внезапно осознав, что произнесла воспоминания об отце вслух. Обычно она этого не делала, все чувства и мысли о нем были спрятаны глубоко внутри. Легкость, с которой она говорила о нем, удивила ее.

– Тогда мы можем остаться здесь, – мягко сказал Дэниел, будто почувствовав, что Эмили затронула какое-то болезненное воспоминание. – Огонь еще долго будет гореть. Хочешь чая?

– Чая, – нахмурилась Эмили. – Как ты собираешься сделать чай без электричества?

Дэниел улыбнулся, будто приняв вызов.

– Смотри и учись.

Он встал и исчез из огромной гостиной, через несколько минут вернувшись с маленьким круглым чайником, похожим на котелок.

– Что у тебя там? – с интересом спросила Эмили.

– О, лучший чай, который ты когда-либо пробовала, – ответил он, размещая котелок над огнем. – Считай, что ты не пила чай, если ты не пробовала чай на костре.

Эмили наблюдала за ним, глядя как пламя отражается на его лице, выделяя его черты и делая еще более привлекательным. Его сосредоточенность на деле придавала ему еще большее очарование. Эмили ничего не могла поделать – так восхищала ее его практичность и находчивость.

– Держи, – сказал он, передавая ей чашку и прерывая ее грезы. Дэниел выжидающе наблюдал, как она делает первый глоток.

– Ох, действительно вкусно, – сказала Эмили, радуясь теплу, которое наконец разлилось по ее телу.

Дэниел рассмеялся.

– Что? – спросила Эмили.

– Просто это первый раз за все время, когда ты улыбнулась, – ответил он.

Эмили отвела взгляд, внезапно застеснявшись. Дэниел был полной противоположностью Бена, и все же ее очень тянуло к нему. Возможно, в другом месте и в другое время она бы поддалась искушению. В конце концов, за семь лет у нее был только Бен, и она заслуживала немного внимания, немного радости.

Но сейчас было неподходящее время. Не сейчас, когда в ее жизни царит полнейший хаос и переполох, а воспоминания об отце витают у нее в голове. Эмили чувствовала, что куда бы она ни смотрела, она видела его тень: вот он сидит на диване с маленькой Эмили, прислонившейся к нему, и читает ей вслух, вот он врывается в двери с широченной улыбкой после похода на блошинный рынок, где он нашел ценную старинную вещицу, проведя затем несколько часов, осторожно очищая ее, чтобы вернуть ей прежнее величие. Где теперь весь этот антиквариат? Все эти статуэтки и произведения искусства, юбилейная посуда и столовые приборы времен Гражданской войны? Дом не был таким, каким она его запомнила. Время оставило свой отпечаток на вещах, причем более заметный, чем она могла ожидать.

Новая волна печали накрыла Эмили, когда она окинула взглядом пыльную, грязную комнату, некогда наполненную жизнью и смехом.

– Как это место могло стать таким? – внезапно закричала она, не в силах скрыть обвинительный тон в голосе.

Она нахмурилась.

– Я имею в виду, разве ты не должен был за ним ухаживать?

Дэниел вздрогнул, застигнутый врасплох внезапной агрессивностью. Минуту назад у них был деликатный, нежный момент, а теперь она упрекала его. Дэниел окинул ее холодным взглядом.

– Я делаю, что могу, – сказал он, – но этот дом огромный, и он весь на мне.

– Извини, – сразу же отступила Эмили, не желая быть причиной помрачневшего лица Дэниела. – Я не хотела бросать камень в твой огород. Просто...

Она посмотрела в чашку и помешала чайные листья.

– Это место было похоже на сказку, когда я была ребенком, – продолжила она. – Оно было таким воодушевляющим, понимаешь? Таким красивым.

Дэниел внимательно на нее смотрел.

– Просто грустно видеть его таким.

– А чего ты ожидала? – ответил Дэниел. – Оно пустовало двадцать лет.

Эмили отвела печальный взгляд.

– Я знаю, – сказала она. – Думаю, я просто хотела верить, что оно застыло во времени.

Застыло во времени, как и образ отца в ее памяти. Ему все еще было сорок, он ни капли не постарел и выглядел точно так же, как и в последний раз, когда они виделись. Но, где бы он ни был, время сказалось на нем точно так же, как и на доме. Желание Эмили восстановить дом за выходные стало еще сильнее. Больше всего она хотела восстановить это место, хотя бы

отчасти вернув ему былое величие. Возможно, таким образом она вернет память об отце. Она могла бы сделать это в его честь.

Эмили выпила последний глоток чая и поставила чашку.

– Пора спать, – сказала она. – Это был долгий день.

– Конечно, – ответил Дэниел, вставая.

Он двигался быстро, и, грациозно покинув комнату, пошел через коридор к входной двери, пока Эмили плелась позади.

– Просто позови меня, когда понадобится помощь, – добавил он. – Я буду в сторожевом домике неподалеку.

– Не понадобится, – возмущенно ответила Эмили. – Я сама разберусь.

Дэниел потянулся к ручке и открыл входную дверь, впустив в дом вихрь снега. Застегнув куртку, он посмотрел через плечо:

– Гордость тебе здесь не поможет, Эмили. Нет ничего зазорного в том, чтобы попросить помощи.

Она хотела выкрикнуть что-то в ответ, возразить, сказать, что он ошибается, называя ее слишком гордой, но лишь смотрела, как его силуэт исчезает за снежной стеной, не в состоянии произнести ни слова.

Эмили закрыла дверь, отгораживаясь от внешнего мира и лютой метели. Теперь она была в полном одиночестве. Свет просачивался в прихожую из гостиной, но был слишком слабым, чтобы осветить ступеньки. Она посмотрела вверх на длинную деревянную лестницу, которая исчезала в темноте. Если она не хотела спать на одном из пыльных диванов, ей нужно было решиться подняться наверх, в темноту. Эмили вновь почувствовала себя маленькой девочкой, которая боится спуститься в мрачный подвал, воображая разных монстров и вампиров, ожидающих ее там. Только сейчас она была взрослой тридцатипятилетней женщиной, которая боялась подняться по лестнице, потому что знала, что заброшенный вид гораздо страшнее любого монстра, которого может нарисовать ее воображение.

Вместо этого Эмили вернулась в гостиную, наслаждаясь последним теплом от огня. В шкафу все еще стояло несколько книг: «*Секретный сад*», «*Пятеро детей и оно*» – классика, которую читал ей отец. Но где все остальные? Куда подевались все вещи отца? Они исчезли, прямо как он.

Угольки начали гаснуть, и вокруг Эмили воцарилась темнота, соответствующая ее мрачному настроению. Она не могла больше бороться с усталостью – нужно было подняться наверх.

Выйдя из гостиной, Эмили услышала странный скрежет, доносящийся от входной двери. Первой мыслью было, что это какое-то дикое животное ищет объедки, но шум был слишком отчетливым, слишком сосредоточенным.

С сильным волнением, она тихо прокралась к входной двери и прислонилась к ней ухом. Что бы она ни слышала, оно уже ушло. Все, что она слышала сейчас, – это завывания ветра. Но что-то заставило ее открыть дверь.

Эмили потянула дверь на себя и увидела на крыльце свечи, фонарь и спички. Должно быть, Дэниел вернулся и оставил их для нее.

Она схватила вещи, крайне неохотно принимая его помощь, понимая, что ее гордость пошатнулась. Но в то же время она была бесконечно благодарна, что кто-то заботился о ней. Да, она бросила прежнюю жизнь и убежала, но здесь она не была полностью одинока.

Эмили включила фонарик и наконец набралась смелости подняться наверх. Освещая ступеньки на своем пути, она рассматривала картины на стене, выцветшие от времени и покрытые паутиной и пылью. На большинстве картин были акварелью изображены местные пейзажи – корабли в океане, ели в национальном парке. Но одна из них была семейным портретом. Эмили остановилась перед ней, рассматривая маленькую себя. Она совсем забыла об этой фотографии, скрыв ее в памяти и заперев на двадцать лет.

Сдерживая эмоции, она продолжила подниматься по лестнице. Старые ступеньки громко скрипели под ее ногами, а некоторые из них были треснутыми. На них были потертости от бесчисленных шагов за все эти годы, и Эмили вспомнила, как спускалась и поднималась по ним в красных туфельках.

Поднявшись, она осветила фонариком длинный коридор – множество дверей из красивого дуба, панорамное окно в конце, которое теперь было заколочено досками. Ее старая спальня находилась справа в конце коридора, напротив ванной. Эмили не могла вынести мысли о том, чтобы заглянуть в другие комнаты. Ее спальня хранила слишком много воспоминаний, слишком много, чтобы выпустить их сейчас. И ей не очень хотелось узнать, во что превратилась ее ванная за все эти годы.

Вместо этого Эмили осторожно прошла по коридору, обойдя старинный чемодан с орнаментом, о который она ударялась мизинцем так много раз, и вошла в спальню родителей.

В свете фонаря Эмили видела, насколько пыльной была кровать, и как моль поела подушки. Воспоминание о красивой кровати с балдахином, которая когда-то принадлежала родителям, разбилось вдребезги, столкнувшись с реальностью. После двадцати лет заброшенности комната выглядела разрушенной. Грязные и мятые шторы уныло свисали, прикрывая заколоченные досками окна. Канделябры на стенах были покрыты толстым слоем пыли и паутины, вероятно, сотканной целыми поколениями пауков. Все, включая туалетный столик у окна, маленькую табуретку, на которой много лет назад сидела ее мама, нанося на кожу лавандовый крем перед зеркалом, было покрыто толстым слоем пыли.

Все воспоминания, похороненные Эмили на долгие годы, вновь всплыли в ее сознании. Она не могла сдержать слез, охваченная эмоциями, которые испытала за последние пару дней, ожившими воспоминаниями об отце и внезапным осознанием того, как сильно она по нему скучает.

Буря за окном усилилась. Эмили поставила фонарь на столик у кровати, выпустив облако пыли, и стала готовиться ко сну. Сюда не дошло тепло от камина, и в комнате было жутко холодно, особенно когда она разделась. В чемодане она нашла шелковую ночную рубашку, но поняла, что это не самый подходящий наряд – лучше надеть несурзные гамаши и толстые носки.

Эмили стянула пыльное малиново-золотое лоскутное одеяло и легла в постель. Какое-то время она смотрела в потолок, обдумывая все, что случилось за прошедшие несколько дней. Одинокая, замерзшая и беспомощная, она погасила фонарь, погрузившись в темноту, и уснула в слезах.

Глава четвертая

Следующим утром Эмили проснулась рано, чувствуя себя полностью дезориентированной. Через заколоченные окна пробивалось так мало света, что она не сразу поняла, где находится. Глаза быстро привыкли к темноте, она смогла рассмотреть комнату и вспомнила: Сансет-Харбор. Дом отца.

Еще через мгновение она вспомнила, что теперь еще и безработная, бездомная и абсолютно одна.

Она заставила свое уставшее тело подняться с постели. Утренний воздух был холодным. Увидев собственное отражение в зеркале, Эмили вздрогнула – ее лицо было опухшим от слез, а кожа выглядела сухой и бледной. Внезапно она осознала, что так и не поела как следует за прошедший день. Чай на костре, приготовленный Дэниелом, был единственным, что она выпила за вечер.

Эмили задержалась перед зеркалом на какое-то время, разглядывая свое отражение в старом, покрытым сажей стекле и прокручивая в памяти прошлую ночь: тепло костра, они с Дэниелом, сидящие у камина с чаем, Дэниел, подшучивающий над ее неспособностью справиться с домом. Эмили вспомнила снежинки в его волосах, когда она открыла перед ним дверь, и то, как он растворился в метели, исчезнув в темноте ночи так же быстро, как и появился.

Ее мысли прервало урчание в животе. Она быстро оделась. Мятая футболка была слишком легкой для такого холода, поэтому она укуталась в пыльное одеяло, лежавшее на кровати, затем вышла из спальни и босиком пошла вниз по лестнице.

Внизу все было тихо. Выглянув в разрисованное морозом окно на входной двери, она была поражена, увидев, что, несмотря на то, что метель утихла, снежные холмы за окном достигали почти метра в высоту, превратив мир в гладкое, спокойное, бесконечное белое полотно. Никогда в жизни она не видела столько снега.

Эмили могла лишь различить следы птички, прыгающей по дорожке, но, помимо этого, все оставалось нетронутым. Мир выглядел спокойным, но в то же время безлюдным, что напомнило Эмили о собственном одиночестве.

Понимая, что прогулка была не вариантом, Эмили решила исследовать дом и посмотреть, что в нем сохранилось и сохранилось ли. Прошлой ночью в доме было темно, так что у нее не было возможности осмотреться, но сейчас, в свете дня, эта задача была реальной. Урчание в животе заставило ее пройти в кухню.

Кухня была в еще худшем состоянии, чем ей показалось, когда она зашла сюда прошлой ночью. Холодильник, оригинальный Prestcold кремового цвета 1950-х годов, который ее отец купил на дворовой распродаже одним летом, не работал. Она пыталась припомнить, работал ли он когда-либо или же был еще одним источником раздражения для ее матери, еще одним куском хлама, которым отец набил дом. В детстве коллекция отца казалась Эмили скучной, но сейчас она ценила эти воспоминания, отчаянно цепляясь за них.

Заглянув в холодильник, Эмили не обнаружила ничего, кроме отвратительного запаха. Она быстро захлопнула его, а затем заглянула в буфет. Там она нашла старую банку кукурузы, этикетка на которой выгорела настолько, что нельзя было разобрать ни буквы, и бутылочку солодового уксуса. На секунду в голове промелькнула мысль приготовить что-то из этих продуктов, но Эмили решила, что не настолько отчаялась. В любом случае, нож для консервных банок полностью проржавел, поэтому, даже если бы Эмили и захотела, открыть банку с кукурузой все равно бы не получилось.

Затем она прошла в прачечную, где находились стиральная машина и сушилка. В комнате было темно, маленькое окошко было закрыто фанерой, как и многие другие окна в доме. Эмили нажала на кнопку на сушилке и не удивилась, когда ничего не произошло. Испытывая нара-

тающее разочарование в связи со своим положением, Эмили решила действовать. Забравшись на тумбу, она попыталась поддеть лист фанеры. Это оказалось сложнее, чем она ожидала, но она не сдавалась. Эмили продолжала тянуть со всех сил. Наконец фанера затрещала. Эмили дернула еще раз – и фанера поддалась, полностью обнажив окно. Отдача была настолько сильной, что Эмили упала с тумбы, отпустив лист, который остался висеть на окне, покачиваясь. В тот же момент, приземлившись на пол, Эмили услышала звук бьющегося стекла.

Морозный воздух ворвался в прачечную. Эмили застонала и села, осматривая свое ушибленное тело, чтобы убедиться, что ничего не сломала. Она почувствовала боль в спине и потеряла ее, глядя на разбитое окно, которое теперь пропускало тонкую полоску света. Эмили злилась на себя за то, что вместо того, чтобы решить проблему, она лишь усугубила положение.

Она глубоко вдохнула и встала, затем подняла кусок фанеры с тумбы, на которую он упал. Кусочки стекла упали на пол и разбились вдребезги. Осмотрев фанеру, Эмили увидела, что гвозди сильно изогнуты. Даже если бы ей удалось найти молоток, в чем она очень сомневалась, эти гвозди уже никуда не годились. Затем она заметила, что разломала оконную раму надвое, когда срывала фанеру. Теперь нужно было менять окно полностью.

Находиться в прачечной было невозможно из-за пронизывающего холода. Через разбитое окно виднелся все тот же бесконечный снег. Эмили подняла одеяло с пола и снова накинула его на плечи, а затем вышла из прачечной, направившись в гостиную. Там она хотя бы могла разжечь камин и немного согреться.

Успокаивающий запах горелого дерева все еще витал в гостиной. Эмили присела у камина и принялась укладывать хворост и дрова в форме пирамидки. В этот раз она помнила, что нужно открыть дымоход, и с облегчением вздохнула, когда пламя затрещало.

Усевшись на корточки, Эмили принялась греть свои замерзшие руки. Она заметила котелок, в котором Дэниел готовил чай, сидя у камина. Котелок и чашки так и лежали там, где их оставили прошлой ночью. В голове промелькнули воспоминания о том, как они с Дэниелом болтали о старом доме за чаем. Желудок завыл, напоминая ей о голоде, и она решила сварить чай, как ей показывал Дэниел, убеждая себя, что это хоть ненадолго усмирит чувство голода.

Как только она разместила котелок над огнем, откуда-то в доме послышался телефонный звонок. Хотя звук был ей знаком, Эмили подскочила, услышав, как он разносится по коридорам. Она забыла о мобильном, когда поняла, что сигнал отсутствует, поэтому этот звук стал для нее неожиданностью.

Эмили вскочила, оставив чай, и побежала на звук телефона, который лежал на тумбочке в прихожей. Звонил неизвестный номер, и она ответила, будучи слегка озадаченной.

– Э, здравствуйте, – раздался голос пожилого мужчины на другом конце провода. – Вы та женщина с Уэст Стрит, пятнадцать?

Связь была плохой, и мягкий, неуверенный голос мужчины был едва различим.

Эмили нахмурилась, сбита с толку звонком.

– Да, а кто это? – ответила она.

– Меня зовут Эрик. Я, э, доставляю топливо во все дома в этом районе. Слышал, вы заехали в тот старый дом, и я подумал, что могу организовать для вас доставку. Если, конечно, э, вам нужно.

Эмили не могла в это поверить. В этом маленьком сообществе новости разносились удивительно быстро. Однако, подождите... Откуда Эрик взял ее номер? Затем она вспомнила, что прошлой ночью показывала телефон Дэниелу, когда жаловалась на отсутствие сигнала. Должно быть, он увидел номер и запомнил его, чтобы дать его Эрику. Несмотря на гордость, Эмили с трудом могла сдержать восхищение.

– Да, это было бы чудесно, – ответила она. – Когда вы сможете приехать?

– Ну, – ответил мужчина, слегка взволнованным и почти робким голосом, – на самом деле я уже направляюсь в вашу сторону.

– Правда? – запинаясь, произнесла Эмили, не веря такой удаче.

Она быстро взглянула на время на телефоне. Еще даже восьми не было. Либо Эрик всегда начинает работать ни свет, ни заря, либо же он отправился в путь специально ради нее. Она подумала, не обратился ли мужчина, подвоживший ее прошлой ночью, в компанию по доставке топлива от ее имени. Это был либо он, либо... Дэниел?

Выкинув мысли из головы, она вернулась к телефонному разговору.

– Вы сможете добраться сюда? – спросила она. – Тут все в снегу.

– Не волнуйтесь насчет этого, – сказал Эрик. – Грузовику снег не страшен. Просто убедитесь, что путь к трубе чист.

Эмили напрягла мозг, пытаясь вспомнить, видела ли она где-то здесь лопату.

– Хорошо, постараюсь. Спасибо!

В телефоне повисла тишина, и Эмили взялась за дело. Она помчалась в кухню, проверив оба буфета. Там и близко не было ничего, что могло бы ей понадобиться, поэтому она проверила все шкафчики в прачечной, а затем в кладовке. Наконец она нашла лопату для снега, стоявшую у задней двери. Эмили никогда не думала, что будет так рада лопате, но она схватила ее, как спасательный круг. Радуюсь находке, она почти забыла обуться, но, ухватившись за щеколду, чтобы открыть заднюю дверь, заметила кроссовки, которые выглядывали из ее сумки. Быстро обувшись, она распахнула дверь, держа в руках свою бесценную лопату.

Эмили тут же осознала всю силу и масштаб снегопада. Видеть снег через окно – это одно дело, но видеть перед собой сугробы высотой почти метр – совсем другое.

Она решила не терять времени и, вонзив лопату в стену из снега и льда, начала прокладывать путь от дома. Задача оказалась не из легких; уже через пару минут Эмили почувствовала, как по спине стекают капли пота, руки болели, и она была уверена, что на них останутся мозоли.

Убрав снег с участка площадью около метра, Эмили нашла свой ритм. В этом было что-то очищающее, в движении, необходимом для сгребания снега. Даже физический дискомфорт казался менее заметным, когда она видела, как вознаграждаются ее усилия. В Нью-Йорке ее любимым упражнением был бег на беговой дорожке, но таких тренировок у нее еще не было.

Эмили расчистила трехметровую дорожку к дому.

Но когда она обнаружила, что до выпускной трубы оставалось добрых десять метров, ее настигло отчаянье, ведь она уже была обессилена.

Стараясь не поддаваться этому чувству, она решила немного передохнуть и перевести дух. В этот момент Эмили заметила сторожевой домик в глубине сада, скрытый за елями. Из каминной трубы выходило небольшое облако дыма, а окна излучали теплый свет. Эмили стало интересно, был ли Дэниел внутри, попивая чай в тепле. Она не сомневалась, что он бы помог ей, но хотела доказать, что может справиться и сама. Прошлым вечером он безжалостно высмеял ее, и, скорее всего, именно он позвонил Эрику. Должно быть, он посчитал ее девицей, оказавшейся в беде, и Эмили не собиралась позволить ему довольствоваться мыслью, что он оказался прав.

Но желудок продолжал ныть, и она была истощена. Слишком истощена, чтобы продолжать. Эмили сама загнала себя в лужу, внезапно осознав, что оказалась в ситуации, где, с одной стороны, она слишком горда, чтобы попросить о помощи, в которой она так нуждалась, а с другой – слишком слаба, чтобы сделать все самой. Внутри нарастала злость, которая вылилась горячими слезами. Подступившие слезы только больше разозлили ее. Она злилась на себя за собственную беспомощность. В своем разочарованном воображении она подвела себя и, как капризный и упрямый ребенок, решила вернуться в Нью-Йорк, как только снег растает.

Отбросив лопату, Эмили поспешила вернуться в дом. Ее кроссовки насквозь промокли, и она сбросила их у двери, и вошла в гостиную, чтобы погреться у камина.

Завалившись на пыльный диван, Эмили взяла мобильный, решив позвонить Эми и рассказать ей долгожданную новость о том, что она провалила свою первую и единственную попытку стать самодостаточной. Но телефон сел. Подавив порыв закричать, Эмили бросила бесполезный телефон на диван и легла набок, полностью разбитая.

Сквозь всхлипывания она услышала шорох снаружи. Эмили села, вытерла слезы и побежала к окну. Во дворе стоял Дэниел с лопатой в руках и разгребал снег, завершая начатое ей дело. Она поражалась тому, как быстро он убирал снег, как умело он это делал, и как естественно при этом выглядел, будто родился с лопатой в руках. Но восхищение длилось недолго. Вместо того, чтобы быть благодарной Дэниелу или радоваться, что он очистил весь путь к выпускной трубе, Эмили злилась на него, будто он был виноват в ее беспомощности.

Не раздумывая, Эмили схватила промокшие кроссовки и обула их. В ее сознании пронеслись мысли: воспоминания о бесполезных бывших парнях, которые никогда ее не слушали, а вступали, пытаясь «спасти» ее. Это был не только Бен, до него был гиперпекающий и не дающий спокойно вздохнуть Эдриан, а перед ним – Марк, который относился к ней как к хрупкой вазе. Все они знали о ее прошлом, в котором мистическое исчезновение ее отца было лишь вершиной айсберга, и обращались с ней так, будто она нуждалась в защите. Все эти мужчины из прошлого сделали ее такой, и она не намерена была больше это терпеть.

Она выбежала в снег.

– Эй! – крикнула она. – Ты что делаешь?

Дэниел лишь на секунду остановился. Она даже не обернулась, просто продолжил отбрасывать снег, а затем спокойно ответил.

– Я расчищаю дорожку.

– Я вижу, – прокричала в ответ Эмили. – Я имею в виду, зачем, если я сказала, что мне не нужна твоя помощь?

– Потому что иначе ты замерзнешь, – ответил Дэниел, все еще не глядя на нее. – Как и вода, которую я включил.

– И что? – отрезала Эмили. – Что тебе с того, что я замерзну? Это моя жизнь. Захочу – и замерзну.

Дэниел не спешил отвечать Эмили или впутываться в ссору, которую она, очевидно, собиралась затеять. Он просто продолжил убирать снег – спокойно, методично, будто его несколько не тревожило ее присутствие, будто ее здесь и не было.

– Я не могу просто сидеть, сложа руки, и позволить тебе умереть, – ответил Дэниел.

Эмили сложила руки на груди.

– Я думаю, ты драматизируешь. Есть разница между тем, чтобы немного замерзнуть и умереть!

Наконец Дэниел воткнул лопату в снег и выпрямился. Он посмотрел ей в глаза, и его выражение лица невозможно было прочитать.

– Снег закрыл выпускную трубу. Лучше запустить котел, иначе выхлоп пойдет прямо в дом. Ты задохнешься углекислым газом за двадцать минут, – сказал он, как бы между делом, ошарашив Эмили. – Если хочешь умереть – пожалуйста, но только не при мне.

С этими словами она бросил лопату на землю и направился к сторожевому домику.

Эмили стояла и смотрела ему вслед, чувствуя, как на смену злости пришел стыд. Она чувствовала себя ужасно из-за того, как говорила с Дэниелом. Он лишь хотел помочь, а она бросила все это ему в лицо, словно капризный ребенок.

Она хотела догнать его, чтобы извиниться, но в этот момент на улице появился грузовик с топливом. Эмили почувствовала оживание, удивившись тому, как радовал ее один только факт доставки топлива. Находиться в доме в Мэне было так не похоже на ту жизнь, которая была у нее в Нью-Йорке.

Эмили наблюдала за тем, как Эрик выпрыгнул из машины. Как для старика, он был на удивление ловким. На нем был испачканный маслом комбинезон, и он походил на персонажа из мультфильма. Лицо его было покрыто морщинами, но во взгляде читалась доброта.

– Здравствуйте, – сказал он так же неуверенно, как и по телефону.

– Я Эмили, – сказала Эмили, протягивая руку в знак приветствия. – Я правда очень рада, что вы здесь.

Эрик лишь кивнул и сразу приступил к работе, устанавливая насос. Он явно был не из любителей поболтать, и Эмили было неловко стоять и наблюдать за его работой, каждый раз слегка улыбаясь, когда он ловил на себе ее взгляд, будто удивляясь ее присутствию.

– Можете показать мне котел? – спросил он, когда все было готово.

Эмили вспомнила о подвале, о своей ненависти к огромным механизмам, которые питали дом, и о тысячах пауков, которые годами плели там паутины.

– Да, сюда, – ответила она тихим, тоненьким голоском.

Эрик достал фонарь, и они вместе спустились в жуткий темный подвал. Как и Дэниел, Эрик, казалось, был мастером по механическим штукам. В считанные секунды огромный котел заработал. Эмили ничего не могла поделать – она обняла старика.

– Работает! – радостно закричала она. – Не могу поверить, что он работает!

Эрик сжался от ее прикосновения.

– Ну, не стоит шутить с таким старым домом, как этот, – ответил он.

Эмили ослабила объятия. Ей было все равно, что еще один человек говорил ей остановиться, сдать, что она не справится. Теперь в доме была вода и отопление, а это значило, что она не вернется в Нью-Йорк с поражением.

– Вот, – сказала Эмили, взяв в руки сумочку. – Сколько я вам должна?

Эрик лишь покачал головой.

– Все уже оплачено, – ответил он.

– Оплачено кем? – спросила Эмили.

– Кое-кем, – уклончиво ответил Эрик.

Ему явно было неловко оказаться в такой непривычной ситуации. Тот, кто заплатил ему, чтобы он приехал и доставил ей топливо, должно быть, попросил его молчать об этом, и вся эта ситуация смущала его.

– Что ж, ладно, – сказала Эмили. – Как скажете.

Про себя она решила, что узнает, чьих это рук дело, и вернет ему деньги.

Эрик лишь коротко кивнул и направился к выходу из подвала. Эмили спешно последовала за ним, не желая находиться в подвале одна. Поднимаясь по ступенькам, она отметила, что ее походка изменилась, став более пружинистой.

Она провела Эрика к двери.

– Спасибо вам, правда, – сказала Эмили так выразительно, как могла.

Эрик промолчал в ответ, лишь окинув ее на прощание взглядом, и направился во двор паковать свои принадлежности.

Эмили закрыла дверь. Чувствуя душевный подъем, она побежала вверх в главную спальню и дотронулась рукой до батареи, почувствовав, как тепло начинает разноситься по трубам. На радостях она даже не замечала стука и цоканья в трубах, эхом разносящихся по дому.

*

К вечеру Эмили уже наслаждалась теплом. Она до конца не осознавала, как некомфортно ей было с того момента, как она покинула Нью-Йорк, и успокаивала себя, что этот дискомфорт хотя бы отчасти был причиной, по которой она вызверилась на Дэниела.

Ей больше не нужно было пыльное одеяло из главной спальни, чтобы согреться, поэтому Эмили занавесила им окно в прачечной, прежде чем приняться за уборку битого стекла. Она развесила мокрую одежду на батареях, выбила ковер в гостиной и протерла все тумбочки от пыли, затем аккуратно расставив на них книги. Теперь в комнате было уютно, почти так, как она помнила. Эмили сняла с полки старый, зачитанный до дыр экземпляр «Алисы в Зазеркалье» и собиралась почитать книгу у очага, но не смогла сосредоточиться. Ее мысли то и дело возвращались к Дэниелу. Ей было так стыдно за то, как она с ним обошлась. И хотя он вел себя так, будто ему наплевать, то, как он бросил лопату и рванул к дому, явно свидетельствовало о том, что слова Эмили разозлили его.

Чувство вины терзало ее, и в конце концов она не выдержала. Бросив книгу и обув теплые и уютные кроссовки, Эмили направилась к сторожевому домику.

Она постучала в дверь и ждала, слыша, как кто-то приближается с той стороны. Дверь открылась, и перед ней в теплом свете огня стоял Дэниел. Из домика вырвался запах еды, и Эмили снова вспомнила, что не ела.

– Что случилось? – спросил Дэниел своим привычным ровным тоном.

Эмили не удержалась и заглянула ему за плечо, рассмотрев издающее треск пламя, лакированный пол, забитую книгами полку и гитару, прислоненную к пианино. Она не знала, чего ожидать от дома Дэниела, но явно не этого. Она удивилась тому, как не сочетались дом, в котором жил Дэниел, и тот его образ, который она составила.

– Я, – запинаясь, сказала она. – Я просто...

Ее голос постепенно стих.

– Просто хотела попросить немного супа? – предложил Дэниел.

Эмили вернулась в реальность.

– Нет. Почему ты так подумал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.